

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

ПОДВИГ
17-Й
СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ
НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть

**Подвиг
17-й стрелковой дивизии
народного ополчения**

**Народное ополчение
на защите Москвы**

Москва
Префектура Центрального
административного округа
2005

Глава 1

**Подвиг, трагедия, забвение
5**

Глава 2

**Предыстория. Как мы вступили в войну
48**

Глава 3

**Дивизия, армия, фронт, Москва
перед началом «Тайфуна»
96**

Глава 4

**2 октября – наступление врага началось
166**

Глава 5

**3 октября – 17-я вступает в бой
192**

Глава 6

**4 октября – подвиг 17-й стрелковой
220**

Глава 7

**Окончание сражения, отступление
250**

Глава 8

**Вечная слава героям ополченцам
284**

**Документальный и литературный материал
310**

Здравствуй Уважаемый читатель!
Всегда приятно встречаться с читателем.

12 лет назад был закончен оригинал моей повести.
Прошедшие годы показали, что тема преодоления и
святого подвига во имя защиты нашего Отечества
остаётся актуальной и востребованной.

В последние годы мне часто приходилось слышать
вопрос - Где можно приобрести вашу книгу?
Надеюсь эта публикация в какой то степени решит
эту проблему.

В добрый путь
Дорогой друг - читатель,

Виктор Климанов

Глава 5

3 октября –
17-я вступает в бой

Глава 5

3 ОКТЯБРЯ — 17-Я ВСТУПАЕТ В БОЙ

В течение дня 2-го октября на всем фронте 33-й армии происходили непрерывные налеты немецкой авиации, бомбили последовательно и целенаправленно.

В ночь на 3 октября дозоры доложили, что в районе 1316-го полка слышен гул танковых моторов. На рассвете передовая разведывательная группа фашистов из 7 танков и мотоциклистов попыталась сходу прорваться в Латыши, именно туда, где находился самый крайний с левого фланга форпост обороны дивизии, его занимал 3-й батальон 1316-го полка (Карта 13).

Командир батальона старший лейтенант С. В. Васильев уже двинул вперед, навстречу врагу, группу истребителей танков под командованием командира роты Виктора Волохова. Наши бойцы почти вплотную подпустили танки противника к своим окопам и вдруг неожиданно забросали их связками гранат и бутылками с горючей смесью. Враг оторопел. Земля задрожала от грохота взрывов.

Один танк вспыхнул пламенем, другие резко развернули направо и на полном ходу стали удаляться на юго-восток в направлении Анновки, где уже никаких войск не было, это они знали.

«Эх, нам бы сорокопятку, — подумал вслед удалявшимся танкам Волохов, — мы бы их пощелкали». А комбат, докладывая командиру полка майору Панкратову о столкновении с немецкими танками, просил подтянуть артиллерию и подвезти гранат и бутылок с горючей смесью — их батальону, очевидно, понадобится большое количество.

В результате вражеский отряд танковой разведки, хоть и потерял один танк, но свою задачу выполнил полностью — координаты незащищенного 10-ти километрового коридора между 17-й и 173-й дивизиями были отмечены на картах с наивысшей точностью, установлена возможность прохода по этой местности танковой колонны вплоть до реки Болва, реки неширокой и неглубокой, переправу через нее соорудить нетрудно. Между прочим, было отмечено — русские воюют только гранатами и бутылками, противотанковых пушек у них нет.

А в небе, только забрезжил рассвет, снова появились черные фашистские тучи. Группы по 12–25 самолетов, сменяя друг друга, методично обрабатывали укрепления стрелковых полков и штаба дивизии. Особенно интенсивной бомбардировке подверглись именно позиции 1316-го полка в районе Старые Ближечи, Вороновка, Латыши — немецкие асы «платили по вексялям» своих разведчиков исправно и сполна. Три часа фашистские бомбардировщики, как будто в отместку за подбитый танк, пикировали на позиции полка, три часа не прерывали они своей смертельной молотьбы. Тяжелые бомбы, бомбы весом в сто, пятьдесят, двадцать пять килограммов, кассеты с мелкими, сыпавшимися, как горох, бомбами — все это валилось с неба на позиции полка. На некоторых участках земля была сплошь перепахана, но полк оставался живой, почти невредимый.

Сентябрьская выучка пошла на пользу. Добротнo выполненные окопы укрывали бойцов, лишь немного пострадали огневые точки, через пару часов оборонительные позиции 1316-го полка снова были готовы к отражению вражеских атак.

К 12 часам связь дивизий со штабом 33-й армии прервалась.

За два часа до этого в район расположения штарма, у поселка Гайдуки, высадился крупный вражеский десант, до 300 парашютистов. По боевой тревоге сводная рота охраны штаба вступила в тяжелый бой с диверсантами. В помощь ей из политработников и штабистов был организован дополнительный отряд прикрытия.

Командующий армией комбриг Онуприенко принимает решение перевести штаб на новое место дислокации, в Куземки.

Но связь дивизий со штабом своей армии так и не восстановилась – командование 33-й оказалось не готовым к боевым испытаниям. К концу дня оно, с одной стороны, увидело отступающие арьергарды наших войск, а с другой – услышало надвигающийся рев танковых колонн врага; и, как говорится, не распаковывая чемоданов, транзитом, штаб устремился на восток, впереди всех движущихся в ту сторону частей, оставив на произвол судьбы и подчиненные ему дивизии, и свою охрану, и отряд прикрытия.

В отличие от них, командование 43-й армии, штаб которой находился в Любуни, в центре позиций 17-й дивизии, до последнего момента координировало боевые действия своих подразделений, о чем свидетельствует последний приказ 113-й дивизии на отход на рубеж реки Угры.

Часов в 12–13 дня 4 октября мы приняли радиограмму штаба армии об отходе его в район северо-восточнее Спас-Деменска. Нашей дивизии предлагалось отойти на рубеж реки Угры к северу от Юхнова.

Н. Митрофанов, бывший зам. начальника штаба 113-й СД

Только после того как командарм Собенников отдал указания всем своим отступающим соединениям, штаб его армии стал отходить в сторону Юхнова.

В отличие от командования 43-й армии, комбриг Онуприенко потерял управление подчиненными ему дивизиями и вместе со штабом покинул поле боя.

На войне случалось всякое – и бежали, не произведя выстрела, и отступали, не издав ни одного боевого приказа; все дело в том – насколько потом эти люди оставались людьми с честью и совестью. К сожалению, в этом случае все закончилось грязным и трусливым сведением счетов командиров-шкурников со своими подчиненными, с теми, кто бесстрашно остался стоять на поле боя и героически оказывал сопротивление наступавшему врагу. Как часто вмиг война развела людей на героев и отморозков – «У зимы с летом ладу нету».

После обеда на горизонте появились две танковые колонны (Карта 14). Бесперывный вой пикирующих стервятников и разрывы

бомб сменились мерным гулом танковых моторов. 2-я и 10-я танковые дивизии шли точно в незащищенный коридор южнее Латышей.

2-я танковая дивизия имела тактическую задачу выйти во фланг второго рубежа нашей обороны на Варшавском шоссе, то есть в тыл 17-й дивизии, образовать плацдарм для окружения наших частей и затем, вместе с подходящими немецкими соединениями, уничтожить нашу группировку. Затем она, вместе с подошедшей 5-й танковой дивизией, должна взять курс на северо-восток, на Вязьму, чтобы участвовать в разгроме окруженных войск Красной Армии.

10-я танковая дивизия решала глобальную стратегическую задачу – замкнуть внешнее кольцо окружения вокруг самой боеспособной группировки наших войск – 20, 16 и 19-й армий Западного фронта. Для этого под фланговым прикрытием 2-й танковой, не ввязываясь в крупные столкновения, она должна была выйти в 20-ти километрах к северо-востоку от позиций 17-й дивизии на Варшавское шоссе и на следующий день продолжить движение по нему до поворота на север, в направлении на Вязьму.

Именно эту колонну, «идущую как на прогулке» в направлении Юхнова, обнаружила с утра 5 октября военная разведка ВВС Московского военного округа под командованием полковника Н. А. Сбытова. Это известие вызвало недоумение и растерянность в Ставке Верховного Главнокомандования – никаких войск Красной Армии на участке Юхнов – Малоярославец не было.

Член Военного совета Московского Военного Округа и Московской Зоны Обороны К. Ф. Телегин распорядился поднять по боевой тревоге Подольское пехотное и артиллерийское училище – ближайшую к врагу силу, способную встать на его пути.

Все закончилось устным невинным приказом Сталина утром 6 октября всем руководителям обороны Москвы – «любой ценой продержаться 5–7 дней, до прихода подкреплений».

По мнению Телегина, «самым опасным моментом в боях за Москву были 5 и 6 октября, когда немецкие части двинулись на Юхнов и Малоярославец». Но ударные части 4-й армии именно в эти дни идти на Москву приказа не имели (может, к счастью). 10-я танковая дивизия, не доходя перед Юхновым до заслона героев-парашютистов под командованием Ивана Григорьевича Старчака, с ними будут воевать другие части фашистов, резко повернула налево на дорогу Юхнов –

Вязьма для того, чтобы 7 октября соединиться с 7-й танковой дивизией 3-й армии, выдвигающейся к Вязьме с северо-запада, и выполнить свою стратегическую задачу – замкнуть кольцо окружения вокруг армий Западного фронта.

В тот же день в Орше соберется все Верховное командование сухопутных войск Германии и с гордостью определит, что операция «Тайфун» развивается «классически». Ох, как дорого обошлась эта «классика» солдатам и командирам Красной Армии. Как невзрачно, а порой по-дилетантски выглядят на фоне этой «классики» действия Ставки Верховного Главнокомандования и командования Западного и Резервного фронтов в сентябре – начале октября, как жестоко все это сказалось на позиции и взаимодействии наших частей.

Только с 12 октября, когда командование фронтом было сосредоточено в руках Г. К. Жукова, стала обозначаться стабилизация обороны, основанная на здравомыслии, реальных оценках и профессиональных решениях.

Но все это будет потом, а сегодня, 3 октября, после 14 часов, три полка 17-й стрелковой дивизии на участке Варшавского шоссе, юго-западнее Спас-Деменска, ожидали атаки неприятеля с твердым намерением не пропустить гитлеровцев через свои позиции (Карта 14).

А враг, обозначив коридор для прохода танковых колонн, немедленно начал укреплять фланги.

И вот первый атакующий «клин» танкового батальона противника, около 40 танков и два батальона мотопехоты, отделились от основной колонны и атаковали 3-й батальон 1316-го полка в районе Латыши. Наши подразделения встретили врага дружным огнем. Несколько танков было подбито меткими попаданиями артиллеристов противотанковой батареи лейтенанта Н. П. Соколова. Вражеская пехота была отсечена от танков и вынуждена залечь.

Но силы были неравны. Немецкие танки прорвались в глубину нашей обороны и начали ползать между окопами, разворачивать гусеницами землянки, давить орудия, поливать из пулеметов окопы и ходы сообщения. Батальон понес большие потери, был ранен командир батальона Васильев. Превосходящим силам фашистов удалось потеснить наши подразделения к Пупову.

В это время передовые машины танковой колонны уже вошли в тыл москворецкой дивизии. Но по приказу командира дивизии Пе-

тра Сергеевича Козлова из второго эшелона на помощь соединениям, вступившим в неравную схватку с врагом, в Оболювку уже выдвигались два батальона 1312-го полка.

Поднятый по тревоге 3-й стрелковый батальон капитана А. Н. Петрикина ускоренным маршем направлялся на Оболювку. Пройдя Понизовье, подразделение встретилось со вторым наступающим танковым «клином». Ополченцы быстро развернулись в боевой порядок и смело вступили в бой. Огнем стрелкового оружия, минометов, приданной артиллерийской батареи 876-го артиллерийского полка под командованием лейтенанта И. К. Андрианова, гранатами и бутылками с бензином воины батальона мужественно отражали наступление немецких танков и мотопехоты.

Однако фашисты усиливали натиск. И вот уже с востока надвигается третий «клин». Немецкие танки приближаются к Понизовью. Но и здесь они были встречены организованным огнем 2-го батальона под командованием старшего лейтенанта С. И. Прыгунова, выдвигавшегося вслед за 3-м батальоном. Два вражеских танка подожгли бутылками с бензином, четыре танка уничтожены огнем противотанковых орудий.

3 октября 1941 года наш батальон находился на позиции возможного наступления фашистских танков и обустроивал отведенный ему рубеж. Мы все знали, что наш сосед слева, 3-й батальон 1316-го стрелкового полка с утра ведет упорные бои с немецкими частями в районе деревни Новоселки, в 10 км от позиций нашего полка. И мы готовились к встрече с врагом.

В 14.00 отряд истребителей подняли по тревоге. Командир отряда лейтенант Андрей Сорокин сообщил нам, что немцы вынудили 3-й батальон соседнего полка левым флангом отойти в сторону Пупово и, обходя его с юго-востока, ведут наступление своими танками в направлении Понизовья.

Командир дивизии полковник Козлов выдвинул наш батальон вслед за 3-м батальоном капитана Петрикина с задачей остановить прорвавшегося противника. Перед нашим отрядом истребителей танков поставлена задача – перехватить вражеские танки и уничтожить их. Для выполнения задачи отряд разделен на две группы.

– Одну группу будет возглавлять лейтенант... – Андрей Сорокин назвал его фамилию (к сожалению, я запомнил ее), – другую возглавлю я. Общее командование возлагается на меня.

Ускоренным маршем мы направляемся в Понизовье.

Километра полтора южнее деревни отряд седлает большак. Первая группа занимает позицию на левом фланге, моя группа – на правом фланге. Места засады определяются на месте. Засаду занимать попарно, тут же были распределены группы. Мне в напарники достался «Цыганок», за три дня занятий мы сошлись с ним и стали друзьями, он был на два месяца старше меня, жил на Полянке, работал в ремонтных мастерских возле завода Ильича. Нам выдали по три гранаты Ф-1, по две гранаты РПГ-40 и по четыре бутылки с бензином. К бутылкам выдали серные спички длиной 8–10 см и коробок размером в ученический ластик для зажигания спички. Прежде чем бросить бутылку в танк, зажигалась спичка-лучина. Брошенная бутылка разбивалась, бензин воспламенялся от горячей спички, прикрепленной к бутылке резинками. Личное оружие при нас – винтовка-трехлинейка.

Мы двигались быстрым форсированным маршем по большаку, проследовали деревню и минут через сорок вышли на свои позиции вдоль дороги. Первая группа заняла участок справа по живью (поле, на котором росла рожь), а наша группа стала маскироваться с левой стороны дороги, на поляне, поросшей мелким кустарником. За нами раскинулся смешанный лес.

Мы с «Цыганком» выбрали засаду в 8–10 метрах от дороги, в придорожных кустах. Вырыли окоп глубиной сантиметров 60 с двухсторонним бруствером, замаскировали его сучками кустарника и стали ждать. Разговор вели о Москве, о нашем районе в Замоскворечье, о доме, о школе, о домашних.

Но вот до нашего слуха дошел шум моторов. Воздух как будто слегка задрожал. Идут танки. Мы зарядили бутылки с бензином, приготовили гранаты.

«Подпустить танк как можно ближе. Бросать гранату под гусеницу. Бутылку бросать в лобовую часть танка, где расположены смотровые щели, лучше в зад, где мотор и бензобаки», – вспомнились слова, сказанные на занятиях лейтенантом Андреем Сорокиным. Все это выполнить нелегко, требуется выдержка и точный расчет.

Шум моторов приближался. А вот и первые танки. Они шли по большаку с интервалом метров 5. Впереди шел Т-II.

– Ну, «Цыганок», держись! Будем подпускать метров на восемь. Я бросаю гостинец под гусеницы. Промажу – ты поддержишь, подобью – бросаю зажигалку. Поджаривай и готовься к встрече второго.

Танк против меня. Я выпрыгиваю из окопа и швыряю гранату в гусеницы, отскакиваю и впрыгиваю в окоп. Раздался мощный взрыв. Танк с надрывом и скрежетом развернулся, подставив нам свою заднюю часть, остановился. Тут же откидывается крышка люка, появляются руки и вслед сам владелец этих рук.

И в этот же миг раздается хлопок и вспыхивает огненное пламя. Это «Цыганок» метнул «зажигалку». Танкиста обожгло, он спрыгнул с танка и, судорожно сбрасывая с себя куртку комбинезона, побежал к лесу. Но до леса не добежал, упал.

Танки, шедшие за головным, остановились на какое-то мгновение и стали сходить с дороги в поле, выстраиваясь на ходу в цепь шахматным порядком. За танками шла редкая цепь пехоты. Гитлеровцы строчили из автоматов. Наши бойцы встретили их плотным огнем и прижали к земле.

Вырвавшийся вперед танк, подошедший к основным окопам, тоже был подбит. Из него точно крысы с тонущего корабля прыгивали вражеские танкисты. Новые танки подходили к окопам. Заговорила наша артиллерия. Подбили еще два танка. Однако небольшая группа немецких танков с мотопехотой обошла наших истребителей на поле и ворвалась в деревню.

Бой с вражескими танками на нашем рубеже длился до 19 часов. Но это не был еще конец боя, он продолжался в деревне. Теперь с фашистами сражался основной состав 2-го батальона 1312-го стрелкового полка.

Наши, наполовину поредевший, отряд влился в свои подразделения и продолжал бой с фашистами. Я вернулся в роту, будучи раненым в правую руку, в плечо. Осколок врезался в мягкие ткани, не задев кости. Меня направили в санроту, где мне обработали рану, перевязали и подвесили руку на марлевую косынку.

В ночном бою, шедшем в Понизовье, я уже не участвовал.

С. А. Родионов

В Понизовье весь вечер продолжался ожесточенный бой. После короткого артиллерийско-минометного налета, уже в сумерках, командир 1312-го полка майор И. А. Клименюк повел батальоны в контратаку. Дружным ударом воины выбили гитлеровцев из Понизовья и отбросили к Оболовке. Было захвачено 2 танка и пленено 14 фашистов мотопехотного и танкового полков 2-й танковой дивизии.

До позднего вечера продолжались бои и на участке 1316-го полка. Оттеснив 3-й батальон к Пупову, фашисты предприняли атаки позиций 1-го и 2-го батальонов. Мелкие группы танков и мотопехоты постоянно делали попытки прорваться на Вороновку, но успеха не имели, разбиваясь о стойкую оборону ополченцев.

Вечером отряды пехоты противника с танками атаковали 2-й стрелковый батальон, командир – лейтенант Ф. М. Пристяженко. Бойцы батальона открыли организованный огонь из всех видов имеющегося у них оружия. В результате немецкой пехоте никак не удавалось прорваться вслед за танками, а без пехоты танки атаковали нерешительно. Красноармейцы забросали их связками гранат и бутылками с бензином. Два танка загорелись, остальные повернули обратно. Больше в этот день гитлеровцы атак не предпринимали.

Поздно вечером в нашем штабе подводили итоги первого боевого дня в жизни дивизии:

– С боевым крещением, товарищи, – начал командир. – Благодаря за службу. Надеюсь, через наши позиции враг не пройдет. Доложить обстановку... Самые большие потери в 3-м (1316-м) полку... Да, третьему батальону досталось... Потери большие?.. Да, полбатальона полегло... Все оружейные расчеты раздавлены танками... Капитан Васильев в госпитале в Осиновке... 1-й и 2-й батальоны удерживают позиции. Второй развернулся к югу перед Вороновкой... Завтра опять будет жарко...

2-й полк (1314-й) в бой не вступал, 1-й стрелковый батальон 1312-го полка оставался в резерве в районе Крисилино... А Клименюк – молодец – дал им сдачи... Понизовье наше. Бой за Оболовку продолжается. Эх, нам бы сорокопятку – мы бы их пощелкали...

Связи со штабом армии нет? – Нет... У северного соседа, 60-й дивизии? – Все спокойно... С южным соседом, 173-й, связи нет...

В штаб фронта регулярно, через каждые три часа, сообщения отправлены. Документы, изъятые из танков, и костюм с двумя орденами

Железного креста через начальника особого отдела дивизии в штаб фронта посланы.

3-му надо помочь орудиями и комсоставом... Что же у 173-й?..

А Клименюк – молодчина!.. Эх, нам бы сорокопятку!!!

Итоги боевого крещения подвел начальник штаба:

– Общая обстановка, товарищи, на левом фланге дивизии весьма тревожная. В коридор между 17-й и 173-й дивизиями беспрепятственно продвинулись 2-я и 10-я танковые дивизии. С запада, вдоль Рославльского шоссе надвигаются пехотные части противника в сопровождении танков. Завтра нам придется отражать атаки с трех сторон. Всем командирам необходимо подготовить свои соединения к жестокому сражению. Ни шагу назад, не пропустим врага к Москве!

А в эти же часы в берлинском Спортпаласе появился фюрер.

С начала войны Гитлер не выступал публично. Вечером 3 октября он впервые поднялся на трибуну и заявил:

Мне было очень трудно прийти к вам, потому что на нашем Восточном фронте вновь происходят громадные события.

Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов!

Она поможет уничтожить врага на Востоке... (здесь речь фюрера прервали восторженные вопли и крики).

Я говорю об этом только сегодня, потому что сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется. (И вновь дикие вопли, крики и трехкратное, громовое, сотрясающее стены – Хайль-хайль-хайль!!!)

3 октября 1941 года эти слова были еще очень правдоподобны. На следующий день немецкие газеты пестрели крупными заголовками, набранными жирным шрифтом: «Благодарность фюрера фронту и тылу», «Борьба против большевизма и плутократии до окончательной победы», «Начало новых операций гигантского масштаба», «Демонстрация воли немцев к победе».

Не рано ли?

ХРОНИКА ДНЯ

В течение 3 октября наши войска вели бои с противником на всем Фронте.

«Правда» 4.10.1941 г.

2 октября и в ночь на 3 октября на подступах к Москве сбито четыре фашистских бомбардировщика.

«Красная звезда» 4.10.1941 г.

Во всех районах Московской области занятия по всеобщему обязательному военному обучению начались точно в намеченный срок. Первый день всеобща был посвящен строевой подготовке.

«Правда» 4.10.1941 г.

Вчера состоялось заседание исполкома Московского Совета депутатов трудящихся, обсудившее ряд вопросов, связанных с подготовкой к зиме.

«Правда» 4.10.1941 г.

Отбиты десятки населенных пунктов

Западное направление. 3 октября. (Спец. корр. ТАСС)

Части тов. Еременко, действующие на одном из ответственных участков фронта западного направления, неоднократно наносили жестокое поражение врагу, обращая его в бегство... На отдельных участках фронта наши части продвинулись вперед до 20 километров. Отбито несколько населенных пунктов. Наши части продолжают теснить врага.

«Правда» 4.10.1941 г.

Еще один пример ограниченности наших информаторов.

Пять фронтов на западном направлении, почему не назвать «ответственный участок» Брянским фронтом? Нельзя, государственная тайна.

«Части тов. Еременко» – почему не генерала Еременко? А точнее, генерал-лейтенанта. Как оскорбительна и унижительна для командующего фронтом, офицера, в боевой обстановке, эта обезличивающая кличка – сокращенное «тов.». А «несколько населенных пунктов» – это

не масштаб забот командующего фронтом, это уровень ответственности нормального командира дивизии.

И наконец – главное. 3 октября – уже четвертый день на участке Брянского фронта разворачивается стремительное наступление вражеских войск. 2-я танковая группа Гудериана ведет бои за сотни километров восточнее линии фронта, захвачен Орел, 2-я полевая армия гитлеровцев в боях уже обозначила контуры будущего котла, надвигается катастрофа, – а «Спец. корр. ТАСС» информирует советских людей о каких-то игрушечных боях за населенные пункты.

Игрушечные – имеется в виду не те кровопролитные и героические бои на Брянской земле, а сладенькие картинки про них, которые нам в 41-м преподносили на страницах центральных газет. Во время войны я был мальцом и стремился не отставать в уличных играх от своих старших товарищей – школьников средних классов. А все игры тогда были про войну.

И вот эта сладкая, боевая туфта похожа как раз на наши игры в сарайных постройках – засады, стрельбу, захваты, убит, не убит, ранен... Но как далека она была от подлинной боевой правды! Как трудно и долго, начиная с 42-го года, умывшись в достатке кровью и страданием людей, советскому народу пришлось отвыкнуть от привычки понимать события упрощенно и приблизительно.

ТЕЛЕГРАММА

9-я армия

Из штаба группы армий «Центр». Сов. Секретно 3.10.1941 г.

4-й армии

3-й танковой группе

Прорван фронт противника в районе Холм. 3-я танковая группа поворачивает, как было намечено, восточнее верхнего течения р. Днепр в сторону автомагистрали – западнее Вязьмы, обеспечивая себя с востока и северо-востока.

Примечательная информационная телеграмма немецкого руководства. Гудериан вспоминает, что он требовал от своих подчиненных командиров, чтобы каждый представлял свои предложения по взаимодействию с другими частями при осуществлении общей стратегической операции.

А у нас? А у нас – все решает Верховный Главнокомандующий, решение его подлежит строгому исполнению без обсуждений и сомнений.

Свидетельство героя Смоленского сражения Константина Константиновича Рокоссовского:

Вообще, информация командующих армиями была организована тогда очень плохо. Мы, собственно, не знали, что происходит в границах фронта, а за его пределами и подавно.

Это очень мешало.

Документы привели нас на поле грандиозной Московской битвы. Пройдем по нему, сегодня, 3 октября, начиная с северо-запада от Москвы.

Весь день враг держал под сильным огнем наш участок обороны, не предпринимая наступления. Группы самолетов бомбили позиции батарей и вели усиленную разведку дорог в сторону Вязьмы.

Сообщения из 19-й армии к вечеру стали тревожнее. Командарм говорил по телефону: «Вынужден загнуть свой правый фланг и повернуть фронтом на север... Связи с соседом – 30-й армией – не имею».

Из штаба фронта никаких тревожных сигналов не поступало.

К. К. Рокоссовский

Утром 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием генерала И. В. Болдина (три танковые бригады, одна танковая и стрелковая дивизии, всего до 250 танков старых образцов), был нанесен контрудар по наступающему врагу, но нужных результатов он не достиг. Превосходство сил противника было слишком большим. Правда, 19-я армия на большей части своего фронта отбила все атаки врага. Однако немцы овладели Холм-Жирковским и вышли на Днепр, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате обозначился прорыв гитлеровцев к Вязьме с севера.

И. С. Конев

Танковые части 56-го танкового корпуса быстро прорвались через лесистый район вдоль реки Вопь, на полпути между Новоселками и Хол-

мом. Упорные бои развернулись юго-западнее Холма. Сюда с юга подошла танковая бригада русских, которая сражалась не на жизнь, а на смерть. Эти бои задержали форсирование Днепра.

Г. Гот

На северном участке Резервного фронта дивизии народного ополчения занимали второй рубеж обороны. Сведения о боевых действиях взяты из воспоминаний командира 2-й стрелковой дивизии (ранее 2-я дивизия народного ополчения Сталинского района), дивизии, которая героически проявила себя в боях под Вязьмой (Карта 1).

Командиры дивизий 32-й армии узнали о переходе противника в наступление только 3 октября, до этого были только слухи. Вечером командующий 32-й армией генерал-майор С. В. Вишневский информировал меня в самых общих чертах об обстановке и о том, что в районе Холм-Жирковский против 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района (правого соседа нашей 2-й стрелковой дивизии) появилось до 100 вражеских танков.

На участке соседа слева – 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района, занимавшей левый берег Днепра до Дорогобужа, фашистские войска еще не показывались. Что происходило в районе Ельни и южнее – для нас оставалось неизвестным. Все связи оказались нарушенными, а разведка донесений еще не прислала.

В. Р. Вашкевич

Следует обратить внимание на неповоротливость и медлительность нашего главнокомандования. Уже прошло более суток с начала общего наступления гитлеровцев на западном фронте. Через 6, через 12 часов необходимо было начинать готовиться к отпору врагу.

А у нас через 36 часов, по большому секрету, «в общих чертах»...

А что же происходило «в районе Ельни»? 24-я армия на первом рубеже обороны, западнее и немного южнее города две дивизии народного ополчения – 160-я и 139-я. Там уже сражаются вовсю.

Вот свидетельство бывшего командира взвода 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Б. Зылева:

3 октября около 6 часов утра гитлеровцы возобновили артиллерийскую подготовку, длившуюся около двух часов. Она сменилась ожесточенным боем. Далеко за полдень звуки боя стали перемещаться левее и в глубь обороны нашей дивизии и соседней.

На этом участке бойцы пока отбивают атаки врага, но они еще не знают, что они уже окружены, уже обречены и оставлены на «потом», что они уже отрезаны от своих баз снабжения и их боевая сила будет с каждым часом таять, а разрушительные удары авиации и артиллерии гитлеровцев будут нарастать и никакого плана активной обороны ни командующий фронтом, ни командующий армией им не предложат.

На участке 139-й дивизии артиллерийская подготовка уже пристрелявшихся орудий сочеталась с налетами авиации. Два часа на позиции полков пикировали немецкие бомбардировщики, сменяя друг друга, не прерывали они своей смертельной молотбы.

Самый мощный удар фашисты обрушили в стык между 24-й и 43-й армиями, как раз на позиции 139-й Кировской дивизии. По замыслу штаба сухопутных войск Вермахта, именно здесь, под Ельней, в районе Леоново немецким соединениям надлежало подсесть войска Красной Армии, образовать южное основание будущего кольца окружения и отсюда начать теснить дивизии 24-й и 20-й армий к северо-востоку, не давая им возможности соединиться с частями 43-й и 33-й армий.

Территория дивизии была так перепахана падавшим с воздуха железом, что на ней нельзя было найти ни одного целого куска телефонного провода длиной в пять-десять метров. Под огненным прессом немецкой бронированной машины положение ополченцев оказалось безнадежным. На второй день боев погибли командир дивизии генерал В. Д. Бобров, все командиры полков, комиссар. Сопrotивление оказывали только разрозненные группы ополченцев.

Из окружения вышли три отряда, всего около 700 человек.

За боевыми действиями на участке 43-й армии мы продолжим следить по свидетельствам бывшего заместителя начальника штаба 113-й дивизии Н. Митрофанова (Карта 12).

Противник, учитывая, что со стороны Семирева могут последовать новые атаки, решил занять этот пункт. Рано утром 3 октября он повел здесь фронтальное наступление. Главный удар последовал со стороны Григорьевки. Используя артиллерию, минометы и авиацию, фашисты бросили в обход Семирева справа не менее батальона мотопехоты с танками. Одновременно по фронту было введено до батальона пехоты и более 10 танков.

Неописуемый грохот стоял в воздухе от взрывов снарядов, мин и авиабомб, пулеметной и ружейной стрельбы, шума моторов в небе и на земле.

Командир полка находился на южной окраине деревни и в бинокль наблюдал за ходом боя. Часов в восемь с наблюдательного пункта сообщили, что замечена большая колонна противника с танками. Укрываясь за домами, командир полка отправился вместе с группой разведчиков к наблюдательному пункту, чтобы лучше ориентироваться в обстановке.

Комиссар полка побежал во взвод пулеметчиков, а я мимо орудийного расчета, расположившегося на дороге у самого въезда из деревни, проскочил в избу, где находилась рация. Она все еще молчала. Едва я вышел из избы, как около орудия разорвалась авиабомба. Из расчета уцелело лишь два человека, и те были ранены. Я встал к ним третьим. Впереди – на расстоянии 150–200 метров – двигались танки противника.

Наше орудие открыло огонь и вывело из строя один танк, остальные повернули обратно. Но ненадолго. Спустя полчаса танки, а за ними и пехота ворвались в наше расположение. Пришлось отходить. Остатки правого фланговых подразделений, пробираясь меж домами, спустились в овраг у восточной окраины деревни и вышли к лесу. Здесь занимал оборону резервный батальон. Вместе с батальоном находился и командир полка.

Левый фланг 1292-го полка отходил в северо-восточном направлении. Здесь старшим оказался начальник штаба капитан Щекал. Мотопехота противника пыталась преследовать наши подразделения и прорваться по дороге Семирево – Желны, но была отбита резервным батальоном. Враг отступил к деревне Семирево. Подразделения 1292-го полка привели себя в порядок и заняли оборону у дороги Семирево – Желны. Резервный батальон передвинулся восточнее, к деревне Лазы, для прикрытия тылов дивизии.

В штаб дивизии я прибыл часов в 12 дня. Доложил командиру дивизии обстановку и получил приказ разработать план круговой обороны. Обстановка сложилась очень сложная и напряженная. Немецко-фашистские войска ранним утром 3 октября начали наступление по всему фронту армии. Стоявшие впереди нашей дивизии части при отступлении не смогли задержаться на рубеже реки Шуйцы и продолжали отходить дальше.

Перед фронтом 1290-го полка наступали крупные силы противника. Их поддерживало до 70 танков. Но полк стойко отражал все атаки. Наш огонь наносил врагу чувствительные потери. Особенно отличился орудийный расчет 45-миллиметрового орудия, где наводчиком был Марков (рабочий с завода «Электросвет»).

Под деревней Ямное расчет вывел из строя до десятка танков противника. Впоследствии расчет был окружен взводом фашистов. В рукопашном бою Марков погиб, уничтожив несколько вражеских солдат. Имя бойца-ополченца А. С. Маркова стало в дивизии символом величайшей доблести и героизма.

Овладев деревней Семирево, часть танковых и моторизованных подразделений противника двинулась дальше – в направлении на Желны, на Дяглово – Страмиловку. Интенсивный огонь гарнизона командного пункта 1290-го полка приостановил дальнейшее продвижение врага. Гитлеровцы пытались овладеть КП. Более 20 танков и около роты мотопехоты до вечера находилось в этом районе. Командование полка поддерживало связь с батальонами и дивизией только по радио.

Весь день части дивизии и ее оборонительный рубеж подвергались интенсивной бомбежке с воздуха. Расположение штаба дивизии бомбили шесть раз. Во второй половине дня противник атаковал по всему фронту позиции и 1288-го полка, расположенные по реке Снопоти. Перейдя плотину у деревни Жерелево, вражеские танки ворвались в деревню, но дальнейшее их продвижение было приостановлено батальонным резервом.

К 15–16 часам выяснилось, что 53-я и 149-я дивизии, действовавшие на нашем правом фланге, также не смогли закрепиться на реке Снопоти. Таким образом, наша дивизия оказалась под угрозой полного окружения.

Около 16 часов, связавшись со штабом армии, командир дивизии И. А. Пресняков узнал, что подготовлен приказ – задержать против-

ника на рубеже реки Снопоти. Штаб армии рассчитывал на правофланговые дивизии (222-ю, 211-ю и 149-ю). Резервному батальону нашей дивизии и 1-му батальону 1292-го стрелкового полка, частично уже использованным для защиты тылов, предстояло последовательно овладеть населенными пунктами – Семирево, Суборово, Григорьевка, Ямное, Теребивля, Барсуки, имея в тылу у себя крупные танковые и моторизованные части противника. Об их непрерывном движении доносил штаб 1290-го полка. Для выполнения задачи нам придавалась батарея РС (реактивных снарядов).

Генерал Пресняков указал на полную нереальность нового плана армии, так как правофланговые части, не закрепившись на Снопоти, продолжали отступать. Снять резервный батальон с позиции – значит оголить тылы дивизии. К тому же дивизия израсходовала большую часть боеприпасов, а подвоза не было. Проводить крупную операцию малыми силами, почти без артиллерии, при оголенных фланге и тыле, при отсутствии связи с соседом слева (50-я армия) было явно нецелесообразно.

Командир дивизии считал правильным организовать круговую оборону в районе Желны, чтобы армейское командование, опираясь на этот боеспособный очаг, могло организовать контратаки, а в дальнейшем двигаться на рубеж по реке Снопоти. Командарм одобрил такой план и к вечеру 3 октября отдал приказ о круговой обороне нашей дивизии в районе Желны.

С наступлением темноты подразделения полков, оставив арьергардные и разведывательные группы, перешли на новые позиции. Там их встретили представители штаба и помогли правильно сориентироваться. Сам штаб переместился в Желны. На колокольне организовали наблюдательные пункты: штаба дивизии, артполка и батареи РС. Установили связь с подразделениями.

Ночью части привели себя в порядок. Бойцы получили горячую пищу, пополнили неприкосновенные запасы. Словом, дивизия готовилась достойно встретить врага на новых позициях.

У южного соседа 17-й – 173-й дивизии, 3 октября также было днем боевого крещения. Правда, отдельные столкновения с штурмовыми и разведывательными отрядами гитлеровцев состоялись еще 2 октября, так как перед левым флангом позиций ополченцев Киев-

ского района первого рубежа обороны не было. И, хотя основные силы 4-й армии наступали вдоль Варшавского шоссе, направлению вдоль железной дороги Рославль – Киров, которое прикрывала 173-я, противник также придавал большое значение. Рассказ о первых боях 173-й сд взят из доклада штабу фронта командира дивизии полковника А. В. Богданова.

Первый бой дивизия дала 2–3 октября; 1315-й сп и основные силы артполка вели бои в районе дер. Дубровка, Зимница, Лужница – близ р. Десна; 1311-й и 1313-й сп вели бои с противником в районе Погребки, с. Засецкое, Большие и Малые Савки, прикрывая железную дорогу Рославль – Киров и оборону самого г. Кирова.

В этих боях части и подразделения дивизии проявили должное упорство и стойкость в бою, свыше суток обороняя занятые рубежи против превосходящих сил мотомехчастей противника. В бою под Кировом уничтожено было 12 танков противника. Отдельные части и подразделения дивизии показали в этом бою подлинные образцы мужества и героизма.

Так, 3-й батальон 1313-го сп в районе дер. Б. Савки под ураганным артиллерийским и минометным огнем и под интенсивным обстрелом пикирующих бомбардировщиков сдерживал натиск противника, трижды переходил в атаки.

В этом бою, мужественно отстаивая занятые позиции, 3-й батальон 1313-го сп был почти целиком уничтожен. Высокую сопротивляемость показал и 1-й батальон 1313-го сп. Под ураганным огнем противника батальон успешно выполнил поставленную перед ним задачу: выбил противника из с. Засецкое. Заняв село, батальон освободил захваченных немцами в плен 19 наших бойцов. Благодаря ожесточенным и упорным боям, явному преимуществу противника в технике (наличие танков и активное действие авиации), 1313-й сп в этом бою потерял 2 орудия 75-мм (два орудийных расчета в количестве 28 чел. были уничтожены огнем противника), 3 орудия 37-мм, 24 станковых пулемета, 10 ручных пулеметов, 24 миномета и 500 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 1315-й сп потерял 3 миномета и 60 человек убитыми и ранеными. Особое мужество проявили в этом бою бойцы и командиры полковой 76-мм батареи 1313-го сп и 1-я рота 1311-го сп.

Некоторые бойцы, дважды и трижды раненные, не отходили от своих орудий до конца боя. Политрук 1-й роты 1311-го сп Шурыгин не-

однократно водил своих бойцов в атаку. Во всех этих боевых действиях мы не имели фактов паники, малодушия, неустойчивости, несмотря на то что это было боевое крещение дивизии.

Однако поспешное проникновение в Бытошь танков противника, обошедших левый фланг дивизии, полная оголенность правого фланга дивизии – снятием накануне боевых действий с данного участка фронта 113-й стрелковой дивизии, отсутствие у нас резервов поставили 173-ю стрелковую дивизию под угрозу полного окружения и вынудили ее отступить за реку Болва. Отступление проведено было с необходимой организованностью, сохранением всего людского состава и материальной части.

Заключительные замечания полковника Богданова показывают, что каждый командир дивизии народного ополчения с тревогой и надеждой ожидал боевого крещения своего подразделения. Во всех дивизиях ополченцы оправдали надежды своих командиров – никаких признаков «неустойчивости и малодушия» в их рядах не было. Просто все дивизии были поставлены в заведомо проигрышное положение, и для борьбы с танками врага у них не было надлежащего оружия.

А на южном направлении прет и давит своими гусеницами нашу землю 2-я танковая группа Гудериана.

3 октября 4-я танковая дивизия захватила Орел. Это дало нам возможность получить хорошую шоссежную дорогу и овладеть важным железнодорожным узлом, который должен был стать базой для наших дальнейших действий.

Захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи. Эвакуация промышленных предприятий, которая обычно тщательно подготавливалась русскими, не могла быть осуществлена. На улицах повсюду лежали станки и ящики с заводским оборудованием.

47-му танковому корпусу была поставлена задача наступать в направлении на Брянск.

Г. Гудериан

Но уже, как феникс из пепла, поднимался перед бронированным фашистским чудищем советский богатырь – 1-й гвардейский стрелковый корпус. И скоро, через несколько дней, хваленым гитлеровским псам будет дана сдача за все беды, которые они принесли на

нашу землю, сдача настоящая, по морде, да так, что у чудища заскрипят зубы.

Секрет успеха этой операции объясняется очень просто. Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин гениально исполнял организаторские функции, наладил безупречно четкую и согласованную работу всех звеньев управления, а решение военных вопросов, ввиду чрезвычайных обстоятельств, целиком доверил Командующему корпусом, причем заместитель Верховного Борис Михайлович Шапошников и его служба заинтересованно и оперативно помогали Дмитрию Денисовичу. В результате вся система работала слаженно, как часы. К сожалению, в то время это было из разряда исключений из правил.

Утром штаб корпуса расположился в Мценске. Маленький городок напоминал растревоженный муравейник. По узким улицам двигались подводы с домашним скарбом, нескончаемым потоком шли люди. Авиация противника подожгла городские склады, элеватор и железнодорожную станцию.

Вскоре мы узнали, что штаб Орловского военного округа во главе с командующим генералом А. А. Тюриным выехал в Елец. В Орел внезапно ворвались вражеские танки. За несколько минут до их вступления из города был эвакуирован эшелон наших тяжелораненых воинов благодаря расторопности военврача 3-го ранга С. С. Данкова.

Во второй половине дня поступило первое боевое донесение от командира 36-го мотоциклетного полка Т. И. Танасчишина: «В 12 часов разведгруппа № 3 примерно в 8–10 км северо-восточнее Орла столкнулась с противником, двигавшимся в направлении Мценска. Огнем из танка Т-34 подбили 2 танка, бронетранспортер и 3 мотоцикла противника. На поле боя враг оставил 8 трупов, а 3 танка отошли, взяв на буксир поврежденные танки».

Часа через два мы с Куркиным были уже у мотоциклистов. На поле боя догорал немецкий бронетранспортер. Узнай тогда Гудериан, что против его армады сражалась наша единственная тридцатьчетверка лейтенанта Новичкова!

Вечером к нашей группе подъехали 4 мотоциклиста.

– Командир 34-го пограничного полка подполковник Пяшев, – представился один из них.

Я спросил, какую задачу выполняет его полк и где он сейчас находится.

– В роце, в двух километрах отсюда. Должен идти на Орел.

– С этого момента вы подчиняетесь мне, будем вместе бить врага.

Полку И. И. Пяшева было поручено оседлать шоссе Орел – Мценск и удерживать рубеж до подхода основных сил корпуса.

Донесение от разведки – захвачено 8 фашистов, среди них 2 унтер-офицера, на допросе они показали, что в Орле находятся части 4-й танковой дивизии 24-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана.

«Да, – подумал я, – на флангах и позади нас никаких сил нет, в каком положении мы можем оказаться».

Бригадный комиссар Сорокин предложил установить связь с Тулой, ознакомить их с обстановкой, помочь организовать самооборону.

Д. Д. Лелюшенко

Ну, а что же наши полководцы?

Георгий Константинович 3 октября был на Ленинградском фронте.

В начале октября разведка фронта доложила, что немцы роют землянки, утепляют блиндажи, укрепляют передний край минами и другими инженерными средствами. Противник готовился к зиме. Впервые за много дней мы реально осознали, что фронт на подступах к Ленинграду выполнил свою задачу и остановил наступление гитлеровских войск. Линия обороны на подступах к городу с юга стабилизировалась и осталась без существенных изменений до января 1943 года.

Г. К. Жуков

Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин во время ужина был неразговорчив, он обдумывал очередное послание премьер-министру Великобритании.

3.10.41

И. В. СТАЛИН У. ЧЕРЧИЛЛЮ

Приезд в Москву британской и американской миссий и особенно личное возглавление этих миссий лордом Бивербруком и г. Гарриманом имели весьма благоприятное значение.

За все это я приношу Вам и г. Рузвельту, пославших в Москву столь авторитетных представителей, искреннюю благодарность Советского Правительства.

Не скрою от Вас, что наши теперешние потребности военного снабжения ввиду ряда неблагоприятных обстоятельств на нашем фронте и вызванной этим эвакуации новой группы предприятий не исчерпываются согласованными на конференции решениями.

Надеюсь, что Британское и Американское правительства сделают все возможное, чтобы в будущем увеличить месячные квоты, а также чтобы уже теперь при малейшей возможности ускорить намеченные поставки, поскольку преддверные месяцы гитлеровцы постараются использовать для максимального нажима на СССР.

Что же касается перспектив нашего общего дела борьбы против разбойничьего гнезда гитлеровцев, засевших в центре Европы, то я также выражаю уверенность, что, несмотря на все трудности, мы решим дело разгрома Гитлера в интересах наших свободлюбивых народов.

С искренним уважением
И. СТАЛИН

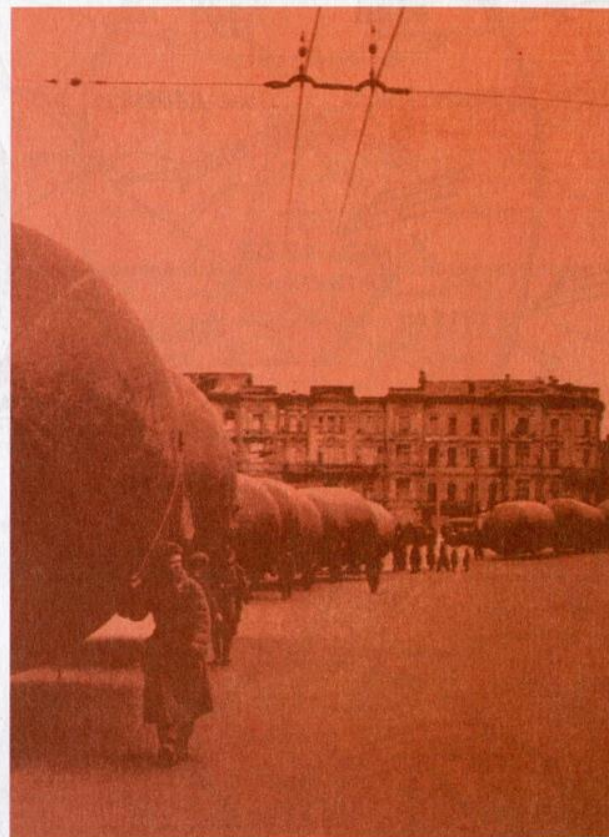
Какой благородный оптимизм и непреклонная вера в будущую общую победу над ненавистным фашизмом.

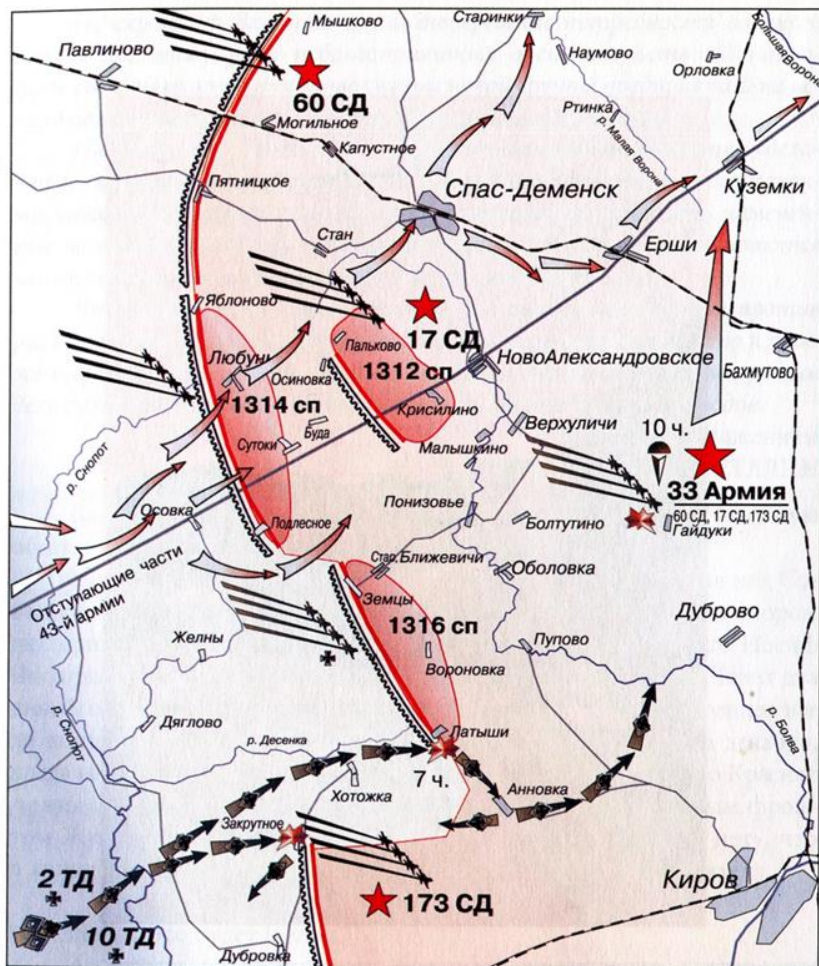
Но 3 октября 1941 года смертельная опасность, нависшая над Советским государством в связи с начавшимся наступательным напором гитлеровского «Тайфуна», была совершенно реальной, просто Иосиф Виссарионович еще не представлял масштабы этой угрозы. Через два дня, 5 октября, Верховный Главнокомандующий увидит, осознает все до конца и внутри себя испугается настолько, что до самого декабря, когда всем высшим военным специалистам уже было ясно, что Красная Армия выстояла, он будет досаждать Командующему Западным фронтом Жукову своим сомнением – «Удержим мы Москву или нет», что в конце концов вызовет жесткий словесный отпор его заместителя...

Но все это будет потом.

А сегодня, на второй день большого наступления, гитлеровцы уже постарались, в частности, на участке Варшавского шоссе танковые и пехотные дивизии 4-й армии набрали необходимую скорость и устремились «максимально нажимать на СССР».

Однако на следующий день, 4 октября 1941 года, им придется притормозить свое движение, для того чтобы собрать в кулак силы своих трех танковых и трех пехотных дивизий и спихнуть стоящую на их пути 17-ю стрелковую Московоречскую дивизию народного ополчения.

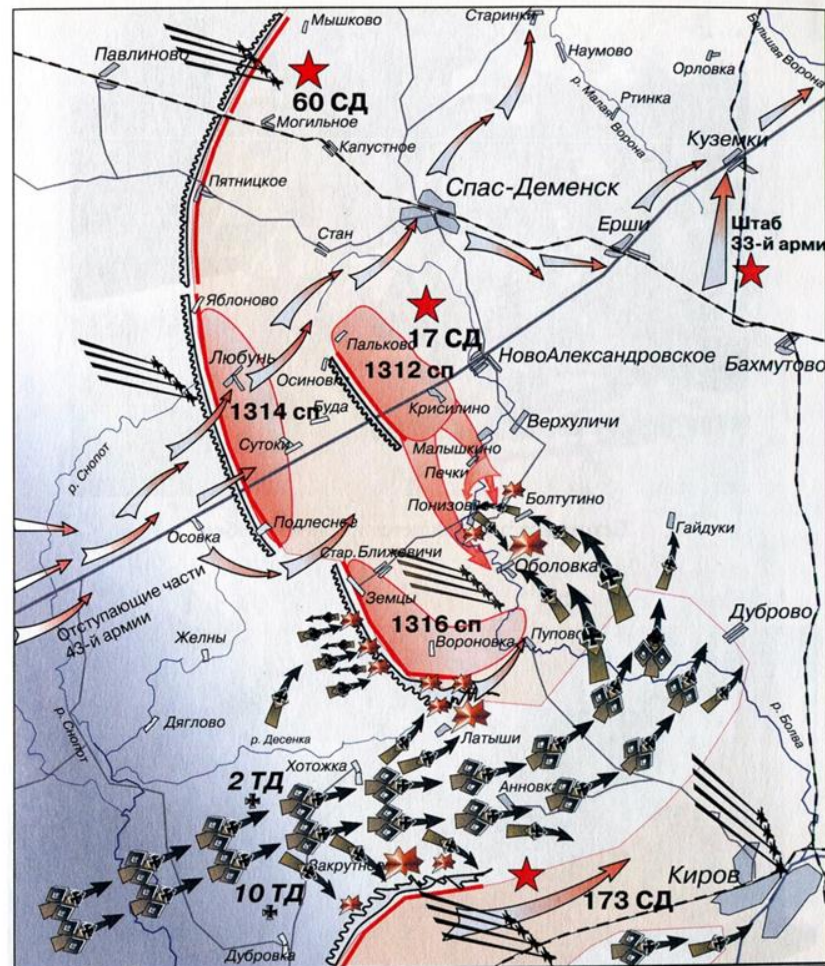

3 октября, 5–12 часов

Карта 13

Боевые действия на участке 17-й стрелковой дивизии

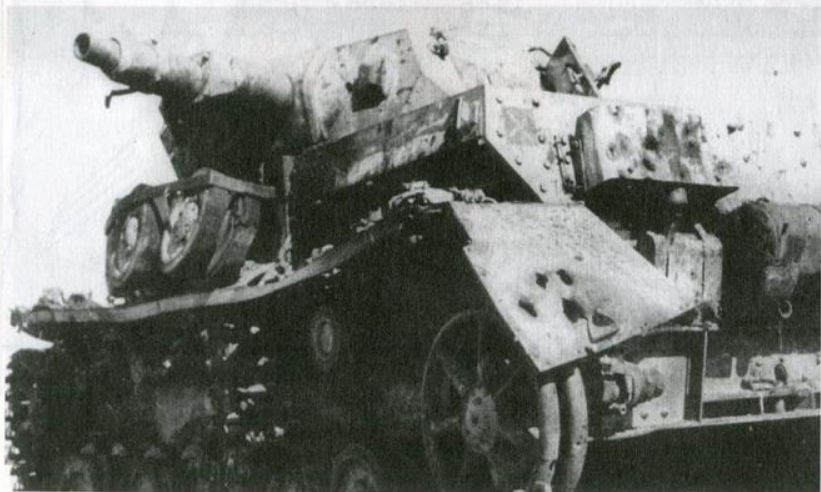
3 октября, 14–23 часа

Карта 14

Боевые действия на участке 17-й стрелковой дивизии

Пехота врага выдвигается на боевой рубеж

Подбитый немецкий танк

